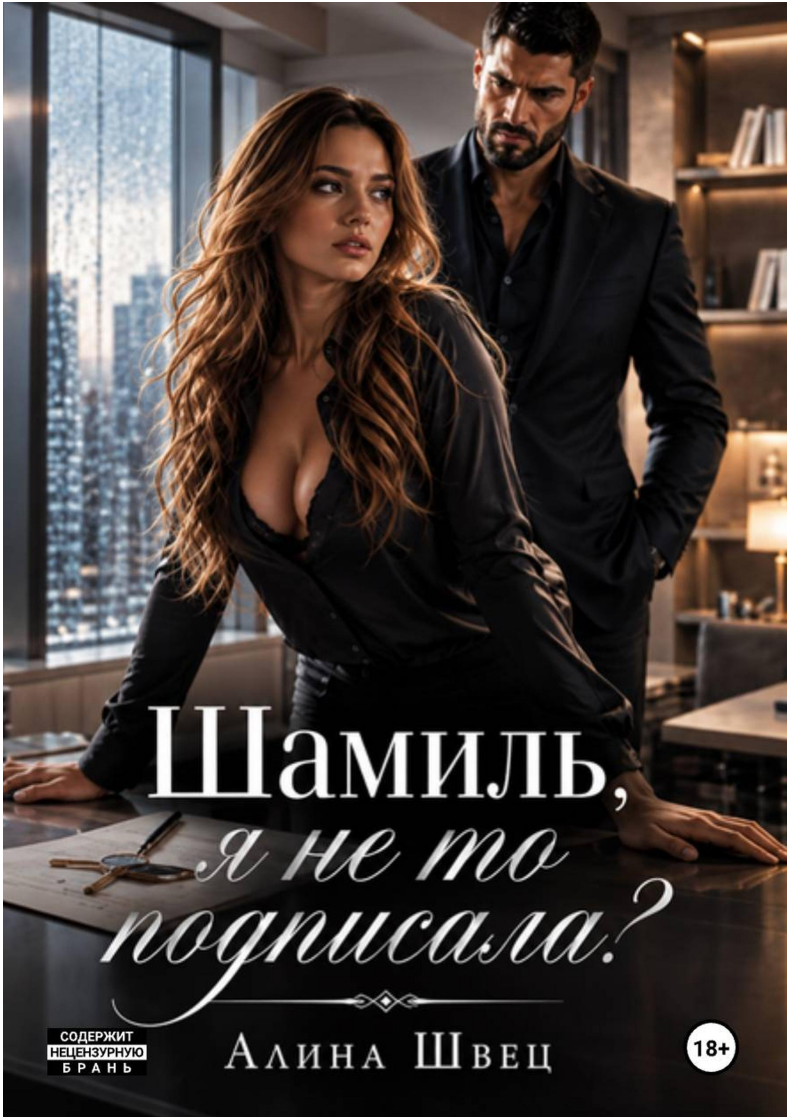

Шамиль,
я не то подписала?
Алина Швец
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Алина Швец

Шамиль, я не то подписала?

https://litres.ru/75056437
SelfPub; 2026

Аннотация

— Я даю вам ключ от своего кабинета, — сказал он, и его голос звучал, как приказ.

Я взяла ключ, не зная, что он откроет не только дверь.

Три года я была для него всего лишь бухгалтером в сером свитере. Мышью, которая боится поднять глаза. Но одна ошибка в отчёте привлекла его внимание. Теперь он смотрит на меня иначе — и требует того, на что я не готова.

Он — директор, кавказец с железной хваткой. Я — та, кто подписала документ, не читая. И теперь моя подпись может либо спасти нас, либо уничтожить всё.

Шамиль думает, что я слабая. Но он не знает, что я уже начала свою игру.

И в этой игре проигравший заплатит слишком дорогую цену.

Алина Швец
Шамиль, я не то подписала?

Глава 1

Я стояла у окна в своём кабинете и смотрела, как дождь разбивается о стекло. Автобаза тонула в серой пелене, грузовики застыли на площадке, их кузова блестели мокрой жестью. Восемь утра, а казалось, что ночь так и не ушла.

На столе громоздились папки с отчётами за прошлый квартал. Я провела пальцем по корешку одной из них, проверяя, не перепутала ли цифры. Я никогда не перепутывала. Бухгалтер с двенадцатилетним стажем, чёрт возьми. Но в последний месяц я пересчитывала каждую строчку по три раза, потому что ошибка в документах — это не просто цифры. Это его взгляд.

Шамиль Рамазанович. Директор. Мой начальник. Человек, чьё имя я слышала каждое утро, когда он проходил мимо моего кабинета, не замедляя шага.

Я посмотрела на себя в запотевшее стекло. Серый свитер,

слишком большой, чтобы кто-то заметил, что у меня вообще есть фигура. Волосы собраны в пучок, ни одной пряди не выбивается. Очки — вчера я разбила одни, надела старые, в металлической оправе, и они слегка сползали на нос. Двадцать девять лет. В свои двадцать девять я выглядела на сорок, и меня это устраивало.

Потому что, если ты выглядишь как мышь, тебя не трогают. Не хотят. Не ждут от тебя ни красоты, ни ошибок, ни проблем.

В дверь постучали, но я и не обернулась — знала, что сейчас войдёт Люда, старший диспетчер. Её шаги я узнавала за метр, она всегда цокала каблуками, словно по паркету, хотя у нас везде линолеум.

— Лен, там Шамиль вызывает. Прямо сейчас.

Я вздохнула. Это не было неожиданностью. Вчера я заметила в отчёте по топливу нестыковку — на три тысячи рублей больше списано, чем залито фактически. Я положила бумаги ему на стол после обеда, когда он был на совещании. Он не звонил, не писал. Просто ждал.

Я поправила воротник свитера и вышла из кабинета. Коридор пах машинным маслом и сыростью. Проходя мимо

боксов, я слышала, как водители матерятся, разбирая какой-то двигатель. Обычный день. Только в груди стучало чаще обычного.

Его кабинет был на втором этаже, угловая комната с огромным столом и картой на стене. Я вошла, прикрыла дверь. Он сидел за столом, откинувшись на спинку кресла, и держал в руках мой отчёт. На его лице ничего нельзя было прочитать — только тени от лампы падали на жёсткие скулы.

Он не смотрел на меня. Читал. И молчал.

Я тоже молчала. Стояла в трёх шагах от стола, сцепив руки за спиной. Секунд двадцать прошло, может, больше. Я считала удары сердца — они отдавались в висках.

— Елена Анатольевна, — наконец сказал он, и голос был низким, спокойным, без эмоций. — Вы нашли несоответствие.

— Да, Шамиль Рамазанович.

— И что, по-вашему, это?

— Перерасход топлива. — Я сглотнула. — Я сверила с путевыми листами и накладными с заправки. Три тысячи во-

семьсот рублей не совпадают. За март.

Он поднял голову и посмотрел на меня. Взгляд такой, что хотелось отступить на шаг, спрятаться в дверях. Но я заставила себя стоять.

— Я знаю, — сказал он. — Я уже нашёл, кто списал. Это не ваша ошибка.

Я моргнула. Он уже знал? Тогда зачем вызвал?

— Но вы должны были сообщить мне сразу, в тот же день, — продолжил он. — А не оставлять бумагу на столе, когда меня нет. Или вы думали, что я не замечу?

— Я не думала, что вы не заметите, — тихо сказала я. — Я просто... не хотела отвлекать вас при людях.

Он усмехнулся — коротко, сухо, без тени тепла.

— Отвлекать. — Он повторил слово, будто пробуя его на вкус. — Вы работаете у меня три года. Я вас нанял, потому что на собеседовании вы назвали все ошибки предыдущего бухгалтера за пять минут. И вы боитесь меня отвлечь?

Я не знала, что ответить. Потому что он был прав. Три

года я сидела в своём углу и делала свою работу тихо, незаметно, не привлекая внимания. Никогда не заходила к нему без вызова. Никогда не говорила лишнего.

— Я... — начала я и запнулась.

Он поднялся из-за стола. Рост у него под метр девяносто, плечи шире моих вдвое. Он обошёл стол и остановился напротив меня, так близко, что я видела ворот его рубашки — белую, с идеально заглаженным воротничком. От него пахло одеколоном и чем-то горьким, может, табаком.

— С сегодняшнего дня, — сказал он, — вы докладываете обо всех несоответствиях лично мне. Утром. До того, как уйду на совещание. Это понятно?

— Понятно, — сказала я.

— Я даю вам ключ от своего кабинета. — Он протянул мне маленькую железку. — Если меня нет — оставляете на столе, красную папку, сверху. Я увижу сразу. И не надо ждать, пока я вызову.

— Хорошо.

Я взяла ключ. Металл был холодным, и я сжала его в ку-

лаке, чтобы он не выскользнул.

Он смотрел на меня несколько секунд. Потом его взгляд скользнул по моему лицу, остановился на очках, на пучке волос, на чёрном свитере, который скрывал все, что мог скрыть.

— Вы всегда так одеваетесь? — спросил он.

Я замерла. Вопрос был неожиданным, и я не знала, что он значит — то ли завуалированный упрёк, то ли странный интерес.

— Я... — снова запнулась. — Это удобно.

— Хм.

Он отвернулся, подошёл к карте, рассматривая какой-то маршрут. Я так и стояла с ключом в руке, не зная, можно ли уйти.

— Идите, — бросил он через плечо. — Завтра в восемь тридцать жду отчёт за прошлую неделю. Живой. Не копию.

Я вышла. Дверь закрылась за мной, и я прислонилась спиной к холодной стене, чувствуя, как дрожат пальцы. Сердце

всё ещё билось где-то в горле.

Всю дорогу до своего кабинета я сжимала в ладони железный ключ. Он врезался в кожу, оставляя красные полосы. Я зашла в свой кабинет, села за стол, положила его перед собой.

Он обратил на меня внимание. Не как на бухгалтера. Как на Елену, которая может что-то скрывать.

И я поняла, что это плохо. Потому что я привыкла быть незаметной. А теперь он меня заметил. И, судя по его взгляду, он не собирался меня отпускать.

Я открыла компьютер, загрузила файл отчёта и начала пересчитывать цифры. Пальцы двигались по клавишам, но я почти не видела экран. Перед глазами стояли его глаза — тёмные, без мигания, будто он видел меня насквозь.

«Вы всегда так одеваетесь?»

Я подняла руку к пучку волос. Потянула за резинку, и волосы рассыпались по плечам. Мягкие, русые, с лёгкой волной. Я сняла очки, протёрла стёкла о рукав и посмотрела в отражение в тёмном мониторе. Из стекла на меня смотрела женщина с уставшим лицом и бледной кожей. Ничего осо-

бенного. Но я зачем-то оставила волосы распущенными. И не надела очки обратно.

Я поняла, что делаю это не для него. Я делала это для себя. Чтобы почувствовать, что я ещё существую.

За окном дождь прекратился, но небо оставалось тяжёлым, как бетон. Я вздохнула и уже собралась закрыть файл, когда заметила в углу экрана мигающий значок — новое письмо. Я открыла его. Отправитель: Шамиль Рамазанович. Тема: «Важно». Тело письма было пустым, только одна строка: «Завтра в восемь. Без опозданий.» Я снова посмотрела на ключ, лежащий на столе. Он блестел под лампой, и я вдруг поняла: он знал, что я буду ждать его звонка. И он дал мне ключ не для отчётов.

Я закрыла ноутбук и посмотрела в окно. В отражении я увидела своё лицо — бледное, напряжённое. И подумала о том, что у меня есть младшая сестра Аня, которая живёт в соседнем городе, и ещё одна сестра, Катя, которая осталась с матерью. Они даже не подозревают, что я работаю в таком месте. Мы почти не общались, но я знала, что если что-то случится, они будут единственными, кто сможет помочь. Эта мысль успокаивала, но где-то глубоко я чувствовала, что втягиваюсь в историю, которая коснётся не только меня.

Глава 2

Я пришла на работу в семь тридцать. Вчерашний ключ лежал в кармане джинсов, и я нащупывала его, пока шла по коридору. Всю ночь я не спала — перебирала в голове его слова, его взгляд, холодный металл, который он вложил мне в руку.

Сегодня я надела не серый свитер. Я надела чёрную водолазку, облегающую, и джинсы, которые сидели по фигуре. Волосы я снова распустила и даже накрасила ресницы — просто потому, что тушь попала под руку, когда я собиралась. Ничего особенного, просто чтобы не выглядеть как мышь. Или чтобы он не спросил снова.

Я зашла в его кабинет, положила свежий отчёт на стол. Хотела сразу уйти, но замешкалась у двери. На столе лежала моя вчерашняя красная папка. Он так и не открыл её. Я тронула пальцами обложку и услышала шаги за спиной.

Он вошёл бесшумно, закрыл дверь, и я почувствовала его дыхание на затылке.

— Ты пришла, — сказал он. Не вопрос, констатация.

Я повернулась. Он стоял в той же чёрной куртке, но без ка-

пюшона, и его волосы были влажными, как вчера. Он смотрел на меня, скользя взглядом по водолазке, по волосам, по губам.

— Я принесла отчёт, — сказала я и показала на папку.

Он не посмотрел на неё. Он шагнул ко мне, взял мою руку, сжал запястье, притягивая к себе. Я уткнулась носом в его грудь, и он поднял моё лицо за подбородок.

— Зачем ты накрасилась? — спросил он. Голос низкий, с хрипотцой.

— Я просто... — начала я, но он перебил.

— Не надо объяснять. — Он провёл большим пальцем по моей нижней губе, стирая помаду. — Это мне не нравится. Помада. Ты красивее без неё.

Я не знала, что сказать. Он наклонился и поцеловал меня, и в этот раз медленнее, но всё так же жёстко. Его руки скользнули по моей спине, сжали ягодицы через джинсы. Я почувствовала, как он прижимается ко мне бёдрами, и его хуй уже твёрдый, давит через ткань.

— На колени, — сказал он.

Не вопрос. Я опустилась. Он расстегнул ширинку, и его член ударил меня по губам — горячий, тяжёлый. Я взяла головку в рот, провела языком, и он сразу взял меня за волосы, задавая темп. Слюна стекала по подбородку. Он трахал мой рот коротко, контролируя глубину, и я смотрела вверх, считая вдохи, чтобы не подавиться.

— Хватит, — сказал он и поднял меня за подбородок. — На стол.

Он развернул меня и толкнул грудью на столешницу так, что я оперлась на локти. Молния на джинсах — вниз. Трусики вместе с ними к коленям. Холодный воздух по мокрой киске. Я сама раздвинула ноги. Он провёл головкой по щели — и вошёл сразу, до упора. Я вскрикнула: хуй толстый, растягивает жёстко, без паузы.

Он ебал меня сильно, бёдрами шлёпал по заднице, ладонь на пояснице прижимала к столу. Бумаги сползали. Папка с отчётом упала на пол. Я сжималась вокруг него, слышала влажные звуки — мой сок, его толчки.

Он потянул к себе лист с края стола, положил передо мной рядом с лицом. Ручка щёлкнула у виска.

— Подпиши, — сказал он, не вынимая. Голос ровный, будто просил подать кофе.

— Что это? — выдохнула я, и на очередном толчке голос сорвался.

— Отчёт. Твой. — Он двинул бёдрами глубже. — Подпиши, Елена.

Я видела снизу печать, строчки, место для подписи. Цифры плыли. Он снова вошёл на всю длину, и я схватила ручку, потому что иначе он не остановится — и потому что мне было плевать на бумагу, пока его хуй долбил меня так.

Я расписалась. Криво. Он сразу убрал лист в сторону, будто галочку в Excel поставил.

— Хорошая девочка, — сказал он и ускорился.

Я кончила первой — резко, скуля в локоть, пизда сжала его до боли. Он рыкнул что-то на своём языке, вбился ещё три раза и кончил внутрь: горячие толчки, сперма течёт по стенкам, по бёдрам, на джинсы у коленей.

Он вышел. Воздух ударил по мокрому. Я всё ещё стояла согнувшись, с его спермой между ног, пока он у окна застё-

гивал ширинку.

Я натянула трусики, застегнула джинсы. Они были влажными, холодными.

Он не обернулся.

— Выйди, — сказал он. — Завтра в восемь.

Я не хотела уходить. Я хотела спросить — зачем, почему, что это было. Но он стоял спиной, и его плечи были напряжены, как будто он уже забыл, что я здесь.

Я вышла, прикрыв дверь. В коридоре было пусто, только шум мотора из бокса доносился снизу. Я пошла к себе, сжимая кулаки. В пальцах всё ещё дрожал ключ.

И тогда я услышала его голос. Он говорил по телефону, и дверь была приоткрыта — я сама не закрыла её до конца.

— ...да, она подписала. Я сказал ей, что это отчёт. Она не читала, просто подписала, когда я был внутри неё. Дура. Завтра пришлю тебе её заявление. Да, она уволится сама. Не будет шума.

Я стояла в коридоре, прижавшись спиной к стене, и слу-

шала, как он продолжает говорить, смеясь, с кем-то на том конце.

— Она думала, что я хочу её, — сказал он. — Но мне нужна была её подпись. Чтобы вывести деньги. Теперь я свободен. Она уйдёт, и никто не узнает.

Я замерла.

В груди что-то оборвалось, но не так, как утром. Не от страха или желания. От злости. Холодной, тягучей, как масло.

Я медленно повернулась, посмотрела на ручку двери. Он всё ещё говорил, и я слышала каждое слово.

— Я позвоню тебе, когда она уйдёт. Кстати, она неплохо трахается, но это не главное. Главное — она никто. И не будет никем.

Я сжала ключ в ладони. Металл врезался в кожу, оставляя красные борозды.

Я толкнула дверь.

Глава 3

Я толкнула дверь, и она ударилась о стену с глухим стуком. Шамиль обернулся, застыв с телефоном у уха. На его лице на секунду мелькнуло удивление — я видела, как дёрнулась его бровь, как он сжал челюсть. Но он быстро взял себя в руки.

— Я перезвоню, — сказал он в трубку и сбросил вызов.

Телефон лёг на стол. Он смотрел на меня, прищурившись, оценивая. Я стояла в дверях, и мои пальцы всё ещё сжимали ключ так, что металл врезался в ладонь.

— Ты слышала? — спросил он спокойно, будто спрашивал, который час.

— Слышала.

Он усмехнулся, и эта усмешка была той же, что и всегда — сухой, снисходительной. Но я заметила, как его глаз дёрнулся.

— И что ты собираешься делать? — спросил он.

Он не отрицал. Даже не пытался.

Я сделала шаг вперёд. Потом ещё один. Мои руки дрожали, но голос не дрогнул.

— Что я подписала? — спросила я.

— Ничего, что касается тебя.

— Я слышала, как ты сказал «она подписала». Что я подписала, Шамиль?

Он молчал. Смотрел на меня, и в его взгляде не было ни страха, ни сожаления. Только расчёт. Он просчитывал меня как цифры в отчёте, я видела это по его лицу.

— Сядь, — сказал он, указав на стул напротив стола.

— Я не сяду.

Он встал из-за стола, медленно, не спеша, и обошёл его, остановившись на расстоянии вытянутой руки. От него пахло потом и одеколоном — тот же запах, что и утром, когда он трахал меня на своём столе. Сейчас от него хотелось отшатнуться.

— Елена, — сказал он, впервые называя меня по имени без отчества. — Ты не понимаешь, что произошло.

— Объясни.

— Ты подписала согласие на перераспределение средств. Небольшой перевод на счёт моей компании. Временный.

— Но я не читала, что подписывала.

— Ты сама не прочитала, — сказал он. — Ты просто взяла ручку и подписалась. Я не прятал документ. Я положил его перед тобой.

Я шагнула к столу и увидела бумагу — белую, с логотипом компании, лежащую рядом с моим отчётом. Я схватила её, пробежала глазами по строчкам. Сумма, счёт, сроки. Моя подпись — внизу, чёрными чернилами, на месте «уполномоченного лица».

Моё сердце ухнуло вниз.

— Я мог бы тебя просто уволить, — сказал он за спиной. — Но я решил сделать красиво. Ты уходишь по собственному желанию, забираешь трудовую и молчишь. Никому не скажешь, что подписала документ, не читая. Потому что если я скажу, что ты украла, тебе никто не поверит.

— Почему? — выдохнула я.

— Потому что я директор. Ты — никто. Бухгалтер в очках, которая носит серые свитера и ни с кем не разговаривает. Кто поверит тебе?

Я смотрела на бумагу, и цифры расплывались перед глазами.

— Я не уйду, — сказала я.

— Уйдёшь, — ответил он. — Ты подписала. Это твоя ошибка. Ты сама выбрала — трахаться на столе вместо того, чтобы проверять документы.

Я подняла на него глаза. В груди бурлило что-то чёрное, тяжёлое. Я хотела закричать, ударить его, разбить что-нибудь об стену. Но я стояла молча, сжимая в руке бумагу.

— Шамиль, — сказала я тихо, почти шёпотом. — Ты думаешь, я не сохранила копии?

Он замер.

— Чего?

— Когда я принесла тебе отчёт, я сделала сканы всех документов, которые лежали у меня на столе. Включая твой «перевод» на счёт компании. Я не читала, когда подписывала, но я сфотографировала всё, что касалось этого месяца.

Я солгала. Я ничего не фотографировала. Но я видела, как дёрнулся его глаз.

— Ты врёшь, — сказал он, но голос дрогнул.

— Проверь, — сказала я. — Позвони в бухгалтерию, спроси, есть ли копия твоего запроса. Я подписала его, но я знаю, что ты это сделал. И у меня есть доказательства.

Я не знала, что говорю. В голове была пустота, только страх и злость смешивались в одну горячую волну. Но я стояла, не отводя взгляда.

Он подошёл ближе, взял меня за плечи, прижал к стене. Его лицо оказалось в сантиметре от моего, и я чувствовала его дыхание.

— Ты играешь со мной, — сказал он тихо. — Ты знаешь, кто я? Ты думаешь, я не могу заставить тебя замолчать?

— Я знаю, кто ты, — ответила я, и голос не дрогнул. —

Ты просто мужчина, который боится, что его раскусят.

Он отпустил меня, отступил на шаг.

— Забирай свой отчёт, — сказал он, кивнув на стол. — И убирайся из моего кабинета.

— Я уйду, — сказала я. — Но я не уволюсь. Я буду ходить на работу, сидеть в своём кабинете и делать свою работу. А если ты попробуешь меня уволить, я расскажу всё.

— Расскажешь что? — усмехнулся он. — Что ты трахалась с директором на столе?

— Что ты подставил меня, — сказала я. — И что я пойду к учредителям. Они не знают, что ты выводишь деньги на счета своей семьи. Я видела твои старые отчёты, Шамиль. Я знаю о твоём брате, который получает зарплату как водитель, хотя живёт в другом городе.

Он побледнел. Я видела, как его скулы напряглись, как потемнели глаза.

— Ты ничего не докажешь, — сказал он.

— Я не хочу ничего доказывать, — сказала я. — Я просто

хочу, чтобы ты знал: я вижу тебя. Ты — не властный директор. Ты — вор, который боится, что его поймают.

Он стоял молча. Я развернулась и вышла из кабинета, захлопнув дверь за собой.

В коридоре я прислонилась к стене и перевела дыхание. Руки тряслись так, что я не могла сжать кулаки. В ушах стучала кровь. Я смотрела на бумагу, которую всё ещё держала в руке. Документ. Подпись. Улика.

Я пошла к своему кабинету, но ноги подкашивались. На середине коридора я остановилась, прислонилась к подоконнику, глядя в окно. На площадке грузили товар, водители курили, стояли в кружке и смеялись. Мир продолжался, как будто ничего не случилось.

Я посмотрела на свою ладонь, где ключ оставил красные полосы. Теперь он не врезался в кожу — я просто держала его, не сжимая.

Он сказал, что я никто. Простушка, мышь, бухгалтер, которая не умеет читать документы. Но я доказала ему обратное. Он испугался. Я видела страх в его глазах. И этот страх был сладким.

Я открыла свой кабинет, села за стол, положила документ перед собой. На экране монитора горел файл с отчётом. Я посмотрела на него, потом на бумагу. В груди всё ещё колотилось, но я уже не дрожала.

Я знала, что он не оставит меня в покое. Он будет ждать, придумает что-то, попытается переиграть. Он властный, привыкший подчинять. Но теперь я знала его слабое место. Я не собиралась уступать.

Я взяла телефон и набрала номер Люды.

— Люд, ты можешь подойти ко мне через час? — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Есть вопрос по отчёту.

Она что-то ответила, но я не слышала. Я смотрела в окно и видела, как он выходит из здания, садится в свою чёрную машину и уезжает. Быстро, резко, будто за ним гнались.

Я улыбнулась. Не ему, не себе. Просто потому, что чувствовала вкус победы.

Но дверь в кабинет открылась, и на пороге стоял он.

Он не уехал. Он просто обошёл здание и зашёл с чёрного

входа.

— Я забыл, — сказал он, глядя на меня, и его голос был спокойным, почти нежным. — Ты всегда такая смелая, когда одна?

Он сделал шаг вперёд. Я отступила к столу, сжала документ в руке.

— Убирайся, — сказала я. — Мы всё сказали.

— Нет, — ответил он. — Ты сказала. Я — ещё нет.

Он закрыл дверь на защёлку. Подошёл вплотную. Пахло тем же одеколоном и злостью.

— Ты меня прижала, — сказал он тихо. — К учредителям, к брату, к сканам, которых, подозреваю, у тебя нет. Красиво блефовала. Я оценил.

— Тогда чего тебе надо?

— Сделки, — сказал он. — Настоящей. Не той бумажки, которую ты подписала, пока я трахал тебя на столе.

Я молчала. Он смотрел прямо, без усмешки.

— Ты остаёшься. На работе. На должности. Я поднимаю тебе оклад — официально, через бухгалтерию, без схем. Свобода: документ с твоей подписью я рву. Сегодня. При тебе.

— А взамен?

— Взамен ты не идёшь к учредителям. И не врёшь себе, что я тебе безразличен. — Он наклонился. — Мне нужна не подпись, Елена. Мне нужен человек, который меня видит. Ты. Я признаю: я использовал тебя. Это факт. Но сейчас я предлагаю другое — без принуждения. Остаться. Работать. И если захочешь — трахаться со мной уже зная, кто я.

Я рассмеялась коротко, зло.

— Ты серьёзно думаешь, что после «дура» и «она никто» я прыгну тебе на шею?

— Я думаю, что ты уже прыгнула — когда толкнула дверь, — сказал он. — Остальное — цифры. Свобода. Повышение. Зарплата. И я — рядом, пока Руслан не успокоится. Решай.

Он достал из внутреннего кармана тот самый лист с моей подписью, порвал пополам, потом ещё раз, бросил клочки на

мой стол.

— Вот твоя свобода. А повышение я проведу завтра приказом. Хочешь — читай каждый приказ до точки. Больше я не подсовываю тебе бумагу под стоны.

Я смотрела на клочки. Злость не ушла. Но рычаг был у меня в руках — и он это знал.

— Я не верю тебе, — сказала я.

— И не надо, — ответил он. — Проверяй. Каждый день.

Он шагнул ещё ближе. Я не отошла. Он взял меня за затылок и поцеловал жёстко — зубы, язык, злость в злость. Я укусила его за губу в ответ. Он рыкнул, развернул меня к столу, джинсы вниз одним движением, ладонь между ног — я уже была мокрая, предательски.

— Скажи стоп — и я уйду, — сказал он мне в ухо.

— Не уйдёшь, — выдохнула я. — Ты слишком любишь выигрывать. Но сегодня я не подписываю ни хрена. Только это.

Я сама стянула трусики. Он расстегнул ширинку, потёр

головкой по клитору — и вошёл сзади резко. Я охнула, вцепилась в край стола. Он ебал зло, коротко, глубоко: месть и сделка в одном ритме. Свободной рукой добрался до груди под водолазкой, сжал сосок.

— Считаешь? — спросил он сквозь зубы.

— Толчки, — выдохнула я. — И твою зарплату себе в уме. Не сбивай.

Он хмыкнул и ускорился. Я кончила первой, сдавленно, лбом в папку с отчётами. Он вытащил, развернул меня, посадил задницей на стол, развёл колени и вошёл лицом к лицу. Смотрел в глаза, пока вбивался. Я обхватила его ногами, притянула ближе.

— Кончи в меня, — сказала я. — Раз уж рвёшь бумаги — хотя бы это оставь честным.

Он кончил с низким стоном, пульсируя внутри. Сперма потекла, когда он вышел. Я сидела на столе с опущенными джинсами, мокрая, злая и странно спокойная.

Он застегнулся, поправил воротник.

— Приказ о повышении — утром на столе, — сказал он.

— И Елена… я боюсь тебя. В хорошем смысле. Не теряй это.

Он вышел. Дверь закрылась. Шаги стихли по коридору.

Я осталась одна.

Глава 4

Он ушёл. Дверь закрылась, и я осталась одна. Я стояла, вцепившись в край стола, чувствуя, как дрожат пальцы. В кабинете всё ещё витал его запах, смесь одеколона и табака, и я задержала дыхание, чтобы не вдыхать его.

Я опустилась на стул, провела ладонями по лицу. Он признался. Сам. Без принуждения. Предложил сделку. Свободу, повышение, зарплату. И сказал, что я нужна ему — не как подпись, а как человек.

Я не верила ни одному его слову. Но я знала, что теперь у меня есть рычаг. Он сам сказал, что боится меня. Страх — это оружие. И я собиралась его использовать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.